

Финляндия

БЪДНОСТЬ НАШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ

КРИТИЧЕСКІЙ И ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Н. СТРАХОВА.

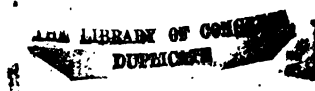
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

—
1868.

KF17878

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ. 14-го апрѣля 1868 г.

Въ типографіи Н. Неклюдова. В. О., 8 л., д. № 25.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
I. Различныя стороны нашей бѣдности	1
II. О произведеніяхъ, «недостойныхъ» хорошей литературы	11
III. Современная бѣдность	22
IV. Общій ходъ нашей литературы	30
V. Нигилизмъ. Причины его происхож- денія и силы	45
VI. Нѣчто о Пушкинѣ, главномъ сопро- вищѣ нашей литературы.	54
VII. Вредный характеръ нашей литературы	68

I. Различныя стороны нашей бѣдности.

Бѣдна наша литература и скудно наше умственное развитіе:

Es ist eine alte Geschichte,
Doch bleibt sie immer neu.

Эта старая пѣсня — нѣтъ-нѣтъ да и отзовется у насъ особенно громко, какъ будто что-то новое. Непонятною для насъ самихъ силою держится Русь, съ непонятною для насъ самихъ крѣпостію выдерживаетъ она разные испытанія и дѣлаетъ успѣхи и приобрѣтенія. И при каждомъ такомъ случаѣ, при каждомъ испытаніи, при каждомъ успѣхѣ, въ насъ болѣзненно пробуждается сознаніе нашей духовной несостоятельности, и мы восклицаемъ: «какъ мы бѣдны мыслью и духомъ!»

Мы чувствовали себя почти польщенными, когда, по случаю нашихъ успѣховъ въ Средней Азіи, какой-то англійскій журналъ замѣтилъ, что нужно радоваться нашимъ приобрѣтеніямъ въ этихъ дикихъ странахъ, ибо-де русскіе все-таки народъ цивилизованный и принесутъ порядокъ и миръ въ эти дикія населенія. Во время послѣдняго польскаго возстанія долго мы перебирали оружіе нашего духовнаго арсенала, какъ выражался одинъ журналъ, и остались весьма недовольны его скудостію. Вотъ и теперь пріѣздъ къ намъ славянъ и успѣхи нашего языка и нашего вліянія въ славянскихъ земляхъ опять возбуждали въ

насъ стыдъ и смущеніе. Газета «Москва» уже не одинъ разъ напоминаетъ намъ, что мы должны печалиться и чувствовать себя униженными. Почему Россія и русскій языкъ такъ притягиваютъ славянъ? Чтѣ мы для нихъ? «Многочисленное племя—отвѣчаетъ Москва (см. 1867 г. № 86)—независимая держава, вѣщная сила, возможность вещественной защиты отъ угнетеній — и только!» «Но гдѣ же самостоятельное притяженіе, которое долженъ бы оказывать нашъ языкъ на соплеменные народности въ силу своего историческаго призванія?» «Нравственно покорить можетъ только внутреннее содержаніе языка, духовная жизнь, въ немъ проявляющаяся, отраженіе въ немъ общественныхъ нравовъ, науки, искусства, словомъ — литература. Итакъ, какой печальный приговоръ надъ нашей литературой произносится настоящими событіями, а съ тѣмъ вмѣстѣ какой приговоръ произносится и надъ всею жизнію, въ ней отражаемою! Какой урокъ, какое предостереженіе дается намъ на будущее время!»

Итакъ, и радость намъ не въ радость, а въ стыдъ; лестное, по видимому, событіе не подымаетъ нашей народной гордости, не прибавляетъ намъ самоувѣренности, а, напротивъ, наводитъ уныніе... Явленіе, надъ которымъ стоить остановиться. Нельзя сказать, чтобы оно было слишкомъ просто, чтобы мы вполне ясно понимали его источники и хорошо видѣли, къ чему должны насъ вести подобныя печальныя настроенія.

Нѣтъ сомнѣнія, важную роль играетъ здѣсь та постоянная потребность самоосужденія, самообличенія и даже самооплеванія, которая составляетъ одну изъ чертъ русскаго характера. Самодовольство и самовосхваленіе для насъ нестерпимы; напротивъ, для насъ составляетъ пріятное препровожденіе времени всически казнить самихъ себя, не давать себѣ ни въ чемъ пощады, прилагать къ себѣ самыя высокія требованія. Малымъ насъ не удовлетворишь; шагъ за шагомъ мы идти не умѣемъ; подавай намъ все сразу, а не то мы и слушать, и смотрѣть не станемъ. И такъ-какъ за маленькимъ гоняться не стоить, а большое не такъ

то легко дается, то мы и предпочитаем сидѣть сложа руки и — ругаться.

Куда насъ приведетъ подобное настроеніе, это одинъ Богъ вѣдаетъ. Требовательность къ самому себѣ, недовольство собою — конечно, черты прекрасныя, подающія хорошую надежду. Но оставимъ эту таинственную точку зрѣнія, съ которой особенность народнаго характера можетъ быть истолкована равно и въ хорошую и въ дурную сторону. Возьмемъ дѣло съ точекъ зрѣнія болѣе общихъ и простыхъ.

Чувство нашей духовной несостоятельности еще не есть доказательство такой несостоятельности. Оно вѣдь прежде всего свидѣтельствуетъ только, что мы не можемъ разсмотрѣть, состоятельны мы или нѣтъ. Можетъ быть, мы вполне состоятельны въ духовномъ отношеніи; русскому человеку хочется въ это вѣрить; даже, въ сущности, онъ не можетъ этому не вѣрить, если не желаетъ лишиться всякой опоры для своей мысли и дѣятельности. Но вполне достоверно то, что мы не сознаемъ этой состоятельности и, если она есть, не умѣемъ ни видѣть ее ясно и отчетливо, ни выражать ее опредѣленно и твердо. Сколько было писано, напримѣръ, по польскому вопросу! Казалось, всѣ стороны его были взвѣшены и разобраны. А между тѣмъ, едва-ли сдѣлались ходячими и прочно утвердились въ нашихъ умахъ тѣ черты его, въ силу которыхъ видно, что польское дѣло рѣшено исторіею въ нашу пользу вслѣдствіе нашего нравственнаго превосходства надъ поляками, а не въ слѣдствіе одного перевѣса вѣншей силы. Еще недавно, на славянскомъ съѣздѣ, какимъ яркимъ и неожиданно-рѣшительнымъ показался простой аргументъ князя Черкаскаго: пусть поляки въ Галиціи сдѣлаютъ для крестьянъ то, что русскіе сдѣлали для польскихъ крестьянъ въ Польшѣ!

Итакъ, первая наша бѣдность есть бѣдность сознанія нашей духовной жизни. Мы одинаково не знаемъ ни ея дурныхъ, ни ея хорошихъ сторонъ, и осуждаемъ ее огуломъ, безъ разбора. Драгоценнѣйшія черты этой жизни,

прекраснѣйшіе ея зачатки для насъ неясны, и потому все равно что не существуютъ.

Легко видѣть, что изъ недовѣрія къ своей духовной жизни, изъ сомнѣній въ ея состоятельности, должны возникать нѣкоторые печальныя слѣдствія. Необходимо возникаетъ пренебреженіе къ ея явленіямъ, высокомерное и невнимательное отношеніе къ нимъ. Что бы ни совершалось вокругъ насъ, какія бы формы ни принимала та трудная, глубокая и медленная борьба, которая называется жизнью, мы ничего не удостоиваемъ полнаго вниманія, все считаемъ пустяками. Презрительно смотримъ мы на движеніе, вокругъ насъ совершающееся; ни къ чему у насъ нѣтъ теплаго, живаго участія. Такимъ образомъ, вторая наша бѣдность есть бѣдность уваженія и безпристрастія, совершенная потеря способности цѣнить явленія по ихъ достоинствамъ; а на мѣсто ея намъ дана одна способность пренебрегать и осуждать.

При этомъ обнаруживается почти полный недостатокъ чувства собственной отвѣтственности, того чувства, которое одно можетъ быть плодотворно при такомъ положеніи вещей. При мысли о нашей духовной бѣдности, казалось бы, каждому должна приходиться на умъ его собственная духовная бѣдность; казалось бы, каждый долженъ былъ смириться и употреблять всѣ усилія, чтобы накопить кой-какія богатства и уйти отъ общаго приговора. Но ни чуть не бывало. Роль судьи такъ легка и соблазнительна, что всѣ лѣзутъ въ судьи, и эти судьи забываютъ, что они въ то же время и подсудимые. Никто не припоминаетъ предложенія, нѣкогда посрамившаго строгихъ судей: «кто изъ васъ безъ грѣха, тотъ пусть броситъ первый камень». Невозможно иногда надивиться при видѣ того, изъ какихъ тучъ летятъ у насъ камни и громы. Не люди, богатые духовными силами, укоряютъ другихъ въ бѣдности и бездѣйствіи, а, напротивъ, бѣднѣйшіе изъ бѣдняковъ поднимаютъ хулу на тѣхъ, кто еще кой-что имѣетъ и кой-что дѣлаетъ.

Такимъ образомъ, чувство нашей духовной бѣдности, при обыкновенномъ ходѣ дѣлъ, порождаетъ у насъ явленія, не подстрекающія и усиливающія наше развитіе, а напротивъ, такіа, которыя его задерживаютъ и подавляютъ. По евангельской притчѣ о талантахъ, всякому имѣющему дастся и приумножится, а у неимѣющаго отымется и то, что онъ имѣетъ. Будучи бѣдны духовною жизнью, мы, въ то же время, оказываемся бѣдными ея сознаніемъ, уваженіемъ къ ея явленіямъ и чувствомъ собственной отвѣтственности.

Дѣло будетъ яснѣе, если мы приложимъ эти сужденія къ болѣе опредѣленному предмету. Заговоривъ о нашемъ духовномъ безсиліи, «Москва», въ частности, коснулась нашей литературы, и вотъ какими чертами характеризуетъ она ея бѣдность (см. 1867 г. № 97).

«Приступить славянину къ нашему письменному богатству — что же онъ найдетъ? Два-три истинно-великихъ художника; два-три писателя съ порывами къ истинно-самостоятельному мышленію; нѣсколько дѣльных изслѣдованій — больше изъ диссертаций, обезпечивающихъ вступленіе въ профессуру; нѣсколько произведеній изъ жанра, въ родѣ рассказовъ г. Успенскаго и отчасти драмъ самого г. Островскаго — этихъ попытокъ дагеротипировать уродства быта и рѣчи и возвести карикатуру въ перлъ созданія. Затѣмъ довольно переводовъ, неотличающихся вѣрностію подлинникамъ; еще болѣе бельетристическихъ произведеній, не отличающихся дарованіемъ, наконецъ творенія Бѣлинскаго, Чернышевскаго и *tutti quanti* — недоваренные объѣдки чужихъ мыслей. И только. Академія издаетъ свои труды на французскомъ и нѣмецкомъ; университеты съ благоразумной экономіей остерегаются давать публикѣ, пропорціонально числу своихъ профессоровъ, хотя бы двадцатую долю того, что даютъ пропорціонально числу своихъ дѣателей заграничныя университеты. Словомъ, наука даже не въ дѣтствѣ, а въ младенчествѣ; не можетъ до сихъ поръ покончить споръ даже о томъ, съ чего должно начинать учиться; публицистика не въ авантажѣ обрѣдается... Немного и непривлекательно...»

Затѣмъ «Москва» начинаетъ мечтать, что́ будетъ если русская рѣчь, какъ теперь можно надѣяться, получить въ славянскихъ земляхъ полное гражданство, и русскій языкъ распространится въ населеніяхъ этихъ земель.

«Съ тѣмъ вмѣстѣ — говоритъ Москва — разовьется и русская письменность, но разовьется тамъ. Оттуда будемъ мы получать увѣсистые волюмы самостоятельныхъ научныхъ произведеній; тамъ будутъ лучшіе органы самостоятельной періодической печати; тамъ явятся блестящіе бѣлетристическія произведенія; словомъ, тамъ будутъ наши и мыслители, и публицисты, и поэты. Мы окажемся въ хвостѣ, въ положеніи Бельгіи относительно Франціи; и самый нашъ языкъ, по неизбѣжному закону, подчинится вліянію наиболѣе дѣятельной среды. Вмѣстѣ того, чтобы наложить свою печать на другія племена, мы будемъ обречены понести на себѣ чужой отпечатокъ, и стихъ Пушкина вмѣстѣ съ его прозой нами же самими будутъ отнесены въ разрядъ ученическихъ попытокъ, недостигшихъ умѣнья владѣть вполне образованною рѣчью!»

Сдѣлаемъ сперва оговорку.

Мы вовсе не хотимъ, что называется, отдѣлать «Москву» за легкость ея мнѣній относительно русской литературы вообще и Пушкина въ особенности. Въ настоящемъ случаѣ, насъ ни мало не обуреваютъ полемическій задоръ. Притомъ легкая газетная замѣтка, вызванная текущими событіями, не можетъ быть обсуждаема, какъ обстоятельное, отчетливое мнѣніе; да въ ней нѣтъ и той опредѣленности, съ какою выразилось бы подобное мнѣніе. Признаемся откровенно: мы просто придираемся къ случаю, чтобы поговорить о предметѣ, сильно насъ интересующемъ.

Прежде всего въ словахъ уважаемой нами газеты, конечно, слѣдуетъ видѣть выраженіе того высокоумія и невниманія, съ которыми славянофилы всегда смотрѣли на нашу литературу—высокоумія и невниманія, давно заявляемаго и всѣмъ извѣстнаго. Источникъ этого пренебреженія также извѣстенъ. Всѣ знаютъ, какъ высоко ставятъ славянофилы русскій народъ, какія великія ожиданія они

на него возлагаютъ, какія огромныя силы ему приписываютъ. И вотъ именно въ силу этихъ великихъ ожиданій и требованій, наше настоящее умственное движеніе является имъ мелкимъ и скуднымъ. Славянофилы не вѣрятъ въ нигилистическій переворотъ Петра; они думаютъ, что Россія крѣпка и живетъ все еще старыми началами, на которыхъ складывалась и развивалась ея прежняя жизнь. И вотъ именно изъ-за этого уваженія къ прошедшему, изъ желанія придать болѣебшій смыслъ и болѣебшую цѣльность русской исторіи, они недовѣрчиво смотрятъ на явленія новаго времени.

Но мы не будемъ останавливаться на этихъ особенныхъ взглядахъ, не станемъ разсматривать того, на сколько ли правильно дѣлается приложеніе ихъ къ русской литературѣ, на сколько они вѣрны въ своихъ основахъ. Возьмемъ дѣло проще, съ обыкновенныхъ точекъ зрѣнія.

Въ приведенныхъ нами словахъ «Москвы» есть факты, поразительно обнаруживающіе нашу умственную бѣдность. И во первыхъ, слова эти, конечно, еще не всякому вполне докажутъ скудость и слабость нашей литературы; но несомнѣнно доказываютъ они скудость и слабость нашего пониманія своей литературы; изъ нихъ ясно, что мы не знаемъ своей литературы, что у насъ не выработано прочныхъ, ясныхъ понятій о тѣхъ, хотя бы и скудныхъ и не блистательныхъ явленіяхъ, которыя составляютъ эту литературу. Сопоставленіе г. Островскаго съ г. Успенскимъ и Бѣлинскаго съ Чернышевскимъ, сопоставленіе лукавое, сдѣланное по той же манерѣ и съ тѣми же цѣлями, какія въ сильномъ ходу въ нашихъ юмористическихъ журналахъ, представляющее явное подражаніе тому остроумію, которое такъ часто сводитъ на одну доску г. Аксакова и г. Асоченскаго, г. Каткова и г. Скарятину, подобное сопоставленіе въ такомъ серьезномъ органѣ, какъ «Москва», — фактъ достопримѣчательный. Оно показываетъ, что даже самыя крупныя явленія нашей литературы не получили надлежащей оцѣнки, не разграничены, не выяснены въ своемъ значеніи. Газета «Москва» въ приведенныхъ сло-

вахъ какъ будто дѣлаетъ слѣдующій вызовъ: а ну-те-ка, покажите намъ, какое различіе между вашимъ хваленымъ Островскимъ и г. Успенскимъ, между прославленнымъ Бѣлинскимъ и г. Чернышевскимъ?

Бѣдная литература! Бѣдная критика! Ни одного твердо сложившагося мнѣнія, ни одного общепризнаннаго авторитета! У славянофиловъ и у западниковъ мы вездѣ находимъ одинаковое незнаніе нашего умственного и художественнаго движенія. Одинъ журналъ ссылается на Бѣлинскаго какъ на столпъ просвѣщеннаго западничества, и по прямой линіи производитъ отъ него тургеневскаго Потугина, стремящагося спасти Россію въ время сказаннымъ, нужнымъ словомъ; другой журналъ видитъ въ Бѣлинскомъ истинно-русскаго человѣка и толкуетъ его слова въ совершенно славянофильскомъ духѣ; третій, наконецъ, ставитъ его на одну доску съ утопистомъ Чернышевскимъ. Мы могли бы привести не мало и другихъ примѣровъ, еслибы не боялись, что они, относясь къ такому темному и смутному дѣлу, будутъ совершенно неясны для читателей.

Ясно одно: наша критика, то-есть сознаніе нашего движенія, оцѣнка различныхъ его явленій, находится въ жалчайшемъ положеніи; она не выработала никакихъ точныхъ, общепринятыхъ результатовъ.

И опять вѣдь не то! Пожалуй, критика и не виновата. Читатели согласятся съ нами, что если порыться въ нашей бѣдной литературѣ, то найдется въ ней не мало страницъ, въ которыхъ отчетливо и обстоятельно излагаются значеніе г. Островскаго, отношеніе его къ прежнимъ писателямъ, сущность того переворота, который онъ сдѣлалъ въ русской сценѣ, сила или слабость тѣхъ возраженій, которыя можно противъ него сдѣлать. Найдутся также страницы, въ которыхъ по заслугамъ оцѣнивается дѣятельность Бѣлинскаго, указываются періоды этой дѣятельности, вліянія, подъ которыми она находилась, и отдѣляется то, что въ ней было напускнаго и фальшиваго, отъ чистаго золота, добытаго этимъ талантомъ. Что касается до г. Чер-

нышевскаго, то, по особымъ обстоятельствамъ, о немъ мало было писано; но и о немъ кое-что найдется, во всякомъ случаѣ на столько-то найдется, чтобы провести различіе между нимъ и Бѣлинскимъ.

Да, эти страницы найдутся; но только кто же ихъ станетъ искать? У кого окажется на столько сильно уваженіе къ нашей литературѣ и на столько слабо пренебреженіе къ ней, что онъ займется этимъ, какъ серьезнымъ дѣломъ, что онъ не побрезгаетъ имъ, какъ брезгаетъ всѣмъ русскимъ тургеневскій Потугинъ? Не покажется ли большинству даже смѣшнымъ человѣкъ, которому бы вздумалось взяться за столь маловажное занятіе? Мы помнимъ, какъ одинъ московскій журналъ, изъ самыхъ серьезныхъ и уважаемыхъ, укорялъ другой журналъ, петербургскій, между прочимъ и за то, что тотъ «все толкуетъ о русской литературѣ, да объ Островскомъ». И когда еще сдѣланъ былъ упрекъ? Въ самый разгаръ всякихъ толковъ и споровъ. Теперь же положеніе дѣла въ десять разъ хуже. Если имена Островскаго и Бѣлинскаго, случайно приходя на умъ, вызываютъ лишь высокомерное пренебреженіе, то кто же вспомнить объ ихъ цѣнителяхъ и критикахъ? Бѣдная литература, бѣдная критика!

Наконецъ насъ смущаетъ еще одно обстоятельство весьма яркаго свойства. Г. Чернышевскій считается у насъ писателемъ вреднымъ и сочиненія его недѣльными фантазіями. Другое дѣло Бѣлинскій. Слава его, какъ знатока и вѣрнаго цѣнителя произведеній нашей литературы, имѣетъ у насъ большую прочность и большое распространеніе; кстати, — въ нынѣшнемъ году печатается третье изданіе полного собранія его сочиненій. Безъ сомнѣнія, эти сочиненія составляютъ настоящую книгу каждаго учителя русской словесности въ каждой русской гимназіи. Спрашивается теперь, какъ переварить въ своей головѣ такой учитель или его питомецъ сопоставленіе Бѣлинскаго съ г. Чернышевскимъ? Какой смыслъ онъ можетъ найти въ этомъ сопоставленіи, и какъ выйдетъ изъ путаницы понятій, которая въ немъ неминуемо возбудится? Если онъ повѣритъ

«Москвѣ», то онъ долженъ будетъ думать, что Бѣлинскій если не столь же вреденъ, то по крайней мѣрѣ столь же неоснователенъ, какъ г. Чернышевскій. А гдѣ же основанія? Куда онъ обратится для того, чтобы съ сознаниемъ дѣла отречься отъ своего прежняго руководителя и замѣнить его указанія новыми? Гдѣ онъ найдетъ книги и статьи, которыя бы замѣнили ему двѣнадцать томовъ ясной, отчетливой рѣчи Бѣлинскаго?

Мы не имѣемъ здѣсь въ виду заступаться за Бѣлинскаго и выставять его заслуги; мы завели рѣчь о немъ для того только, чтобы выяснить слѣдующій фактъ: существуютъ у насъ люди, пожалуй, цѣлая партія мыслящихъ людей, для которыхъ сочиненія прославленнаго Бѣлинскаго суть не что иное, какъ недоваренные объѣдки чужихъ мыслей. Въ этомъ, конечно, нѣтъ ничего прискорбнаго. Даже пріятно вообразать, что есть у насъ люди, имѣющие право на подобное высокомеріе, что есть такіе взгляды на русскую литературу, которые своею глубиною, жизненностью и цѣльностью совершенно затмѣваютъ взгляды Бѣлинскаго. Понятно, что такіе люди должны враждебно относиться къ авторитету Бѣлинскаго, считать его славу за фальшивое явленіе, которое должно современемъ пасть и развѣяться. Но вотъ что непонятно и прискорбно: почему же не пишутъ эти люди? Не составляетъ ли это прямого ихъ долга, не лежитъ ли это на ихъ отвѣтственности? Слава Бѣлинскаго растетъ и укрѣпляется; изданіе слѣдуетъ за изданіемъ—а враждебная партія молчитъ. Нѣтъ въ нашей литературѣ ни изложенія взглядовъ этой партіи на литературу, ни ея суда надъ Бѣлинскимъ, такого суда, который бы основательно и отчетливо опредѣлялъ значеніе знаменитаго критика и не давалъ бы увлекаться его, по мнѣнію партіи, неосновательными сочиненіями.

Только иногда, когда случайно приведетъ ихъ къ тому теченію рѣчи, люди, враждебно относящіеся въ славѣ Бѣлинскаго, дѣлаютъ о немъ пренебрежительный отзывъ, до такой степени пренебрежительный, какъ будто больше говорить о немъ они почитаютъ даже ниже своего достоин-

ства. Точно они только нарочно дразнить его почитателей, только желаютъ вызвать въ нихъ недоумѣніе и негодованіе...

И вотъ въ какомъ положеніи дѣло относительно такой огромной знаменитости, какъ Бѣлинскій, относительно человека, памяти котораго нашъ первый современный писатель г. Тургеневъ посвятилъ своихъ Отцовъ и Дѣтей, подобно тому, какъ нѣкогда Бориса Годунова Пушкинъ посвящалъ драгоцѣнной для Россіянъ памяти Карамзина...

Какъ тутъ не скажешь: бѣдная литература! бѣдная критика! ¹⁾

II. О произведеніяхъ, «недостойныхъ» хорошей литературы.

Бѣдна наша литература, но какого рода эта бѣдность? Бѣдность ли это старика, котораго всѣ труды были безплодны, или бѣдность юноши, еще мало успѣвшаго испробовать свои силы? Бѣдность ли это внутренняя, то-есть

¹⁾ Кстати объ изданіяхъ сочиненій Бѣлинскаго; обращаемъ вниманіе почтенныхъ издателей на то, что эти изданія все больше и больше переполняются опечатками самыми грубыми и досадными, а именно—искажающими не одни слова, но и смыслъ рѣчи. Положимъ, что это недоваренныя объѣды чужихъ мыслей, но такъ-какъ наша литература еще не переварила ихъ, то желательно было бы читать ихъ не спотыкаясь на каждой страницѣ и не размысливая того, гдѣ наборщику угодно было пропустить частицу не и тѣмъ дать рѣчи обратный смыслъ, и дѣйствительно ли онъ вмѣсто слова ручаться поставилъ болѣе модный глаголъ ругаться. Изданія Бѣлинскаго представляютъ одно изъ самыхъ плачевныхъ доказательствъ того, что перепечатки постепенно искажаютъ текстъ и что, слѣдовательно, гуттенбергово изобрѣтеніе еще не освобождаетъ печатающихъ отъ необходимости слѣдить за смысломъ печатаемаго и вполне понимать его.